УДК 341

История развития идеи о суверенитете

Речкович Станислав Аскольдович
Аспирант,
кафедра философии политики и права,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский просп., 27;
e-mail: stanislav.rechkovich@gmail.com

Аннотация

В данной статье представлена история развития идей о сущности суверенитета, разделении его на внутреннюю и внешнюю составляющие, объясняются принципиальные основы подобного разграничения. Автор подробно рассматривает развитие идеи о внутреннем суверенитете в Средние Века, а также в Новое время. Проанализирована логика легитимации власти. Особое внимание уделяется сравнительному анализу концепций суверенитета Нового Времени как наиболее приближенных к современности и наиболее полно объясняющих суть феномена суверенитета. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что в течение XIX-XX веков идея суверенитета доказала свою предпочтительность перед другими теориями, объясняющими природу государства и политической власти. Это касается и внутреннего измерения суверенитета, и внешнего, когда в дипломатической практике укоренилось представление, что суверенность государства означает членство в международном сообществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Речкович С.А. История развития идеи о суверенитете // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 5А. С. 150-161.

Ключевые слова

Суверенитет, внутренний суверенитет, внешний суверенитет, государство, суверен.

Развитие идеи о внутреннем суверенитете в античности

Внутреннее измерение суверенитета имеет протяженную пре-Вестфальскую историю. Например, идея о принадлежности высшей политической власти политическому сообществу может быть прослежена до самого римского закона, где она принимала фор-

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

мулировки "majestas" и "summa potestas". Более поздние административные функции, сопряженные с суверенитетом, возникают между 1000 и 1300 годами нашей эры, а теоретическое обоснование этой идеи имело место начиная примерно с 1550 года [Strayer, 1970, 9]. Таким образом, многие аспекты практики и теории современного суверенитета предшествуют системе международных отношений, созданной Вестфальским мирным договором 1648 года.

Появление государства не означало автоматически появление суверенитета, но мы не можем говорить и о появлении суверенитета в догосударственных обществах. Это утверждение является основным, но не существенным условием развития концепции. Исторически суверенитет возник только в процессе длительного развития государства. Необходимое условие развития идеи суверенитета может быть выяснено в процессе, результатом которого стало до некоторой степени разделение общества и государства и их последующая взаимозависимоть. Следовательно, возникновение идеи требует согласия между обществом и государством, и это второе фундаментальное условие для развития концепции суверенитета.

На основе вышесказанного становится очевидным, что суверенитет не мог возникнуть в античном греческом полисе. В подобном типе государства никогда не проводилось различия между государством и обществом. В институционально, политически и культурно самом развитом греческом полисе – Афинах граждане являлись субъектами государства и создателями законодательства, то есть судьями и правителями и одновременно управляемыми. В такой политической системе частная жизнь была почти полностью подчинена публичной сфере, общественное и частное были тесно переплетены. Даже Аристотель не считал необходимым проводить границу между государством и обществом и рассматривал город-государство как высшую и наиболее развитую форму человеческого сосуществования.

На первый взгляд может показаться странным, что суверенитет не возник в Римской республике. В Риме верховная власть была облечена в формулировку Populus Romanus, от чьего имени принимались и исполнялись законы. Конечно, это не значит, что публичное право не развивалось в этой системе, но на практике история Римской республики сводилась к предельному расширению модели греческого полиса. Даже в эпоху принципата Император оставался всего лишь "первым гражданином" (princeps civitatis) и не становился носителем суверенитета. Его власть полностью признавалась политическими институтами, но по крайней мере на уровне закона Императору предписывалось делегировать часть исполнительной власти. Для возникновения идеи суверенитета в зачаточном виде Риму пришлось отказаться от модели греческого полиса и формулировки "Imperium populi Romani", заменив ее на "Imperium Romanum et orbis Romanum". Этот процесс начался в 212 году нашей эры, когда каждый свободный житель Империи получил римское гражданство. С этого момента власть Императора стала верховной, сам Император был поставлен выше закона, почитался

наравне с божествами, а вместе с принципом "quod principi placuit legis habet vigorem" возникла и одна из фундаментальных основ суверенитета: правитель был признан центром политической жизни. Единственным весомым ограничителем было то, что Император не мог сделать свою власть наследуемой, поскольку Сенат, пытаясь сохранить республиканскую традицию, настоял на избрании Императора, хотя этот факт был не более, чем одобрением существующих властных традиций. В конце концов, в "Corpus juris civilis" Юстиниана идея единственной и высшей власти была кодифицирована в форме lex regia, но эта идея не пережила распада Римской империи.

Развитие идеи о внутреннем суверенитете в Средние века

После падения западной части Римской империи Западная Европа осталась без политического центра, и в результате наступивших анархических условий некоторые из публичных прав и функций стали составным частной сферы. Эта ситуация характеризовала феодальную систему в течение длительного времени. Империя, созданная Карлом Великим, также в скором времени распалась, власть перешла в германские земли (962 год – создание Священной Римской империи), а на рубеже тысячелетия в Европе оформились две противоборствующие силы: Святой Престол и Император, а вместе с ними и идея универсализма, господствовавшая все Средние века. Дихотомия власти Папы и Императора блокировала развитие идеи суверенитета. Их стремление к верховенству может рассматриваться скорее как столкновение двух теократических по своей природе сил, нежели как борьба светской и религиозной властей. Закон для каждой из них был выражением воли Господа, и он создавался в первую очередь обычаями и прецедентами, нежели политическими институтами и правителями.

Согласно Бертрану де Ювенелю, королевское понимание «неограниченного и неуправляемого права, закрепленное за одним человеком» является конструкцией Нового времени. [de Jouvenel, 1997, 202]. Хотя такие представления о праве становились все более и более общепринятыми после 1100 года, они примерно до 1700 года значительным образом сдерживали модель суверенитета, описываемую формулой "held the field". Только тогда они уступили дорогу более абсолютистским взглядам, которые все равно большей частью не были воплощены в полной мере в последующие три столетия, несмотря на растущую власть государства над субъектами, гражданами и собственностью.

Например, даже когда в XII веке роль средневекового монарха расширилась, включив, помимо изначальной функции судьи, еще и функцию законодателя, данная власть оставалась в подчиненном положении по отношению к закрепленным правам. [de Jouvenel, 1997, 203]. Как судья, монарх был ответственен за обеспечение того, что иерархическая лестница права парных отношений, установившихся между господствующими и подчиненными, обоюдно уважалась. В эту цепь обязательств были встроены отцы, которые были господами

своим сыновьям, мужья, которые были сеньорами своим женам, и сюзерены, которые были господами своим вассалам [de Jouvenel, 1997, 204]. Эти тщательно описанные обязательства каждой стороны этих отношений перед другой были тщательно детализированы, иногда описаны, но чаще всего коллективно понимались как само собой разумеющееся, и если кто-то чувствовал, что его права нарушались, то он обращался к высшей власти за справедливостью, а власти опирались на обычные соглашения как критерий справедливости при разрешении споров. Когда содержание этих договоренностей оспаривалось, проверка проводилась в форме показаний свидетелей, которыми выступали люди, обладавшие статусом, эквивалентным статусу низшей стороны, заключившей договор. Например, французские короли давали клятву, которая содержала примерно следующее обещание: «Я буду чтить и оберегать каждого из вас, и я буду поддерживать закон для каждого и справедливость, присущую закону».

Таким образом, слабая сторона договора сохраняла за собой право контроля над действиями господина и наоборот. И хотя деятельность по разрешению споров могла ложиться на суверена, его роль была ограничена применением существовавших обычаев, подобных этим, и он не мог изменять их содержание. Это было справедливо как по отношению к выходцам из низших сословий, обладавшим весьма скудными правами, так и по отношению к представителям высших, чьи права были весьма широки.

Представительные органы, включавшие в себя политически активных и состоятельных людей, при этом необязательно грамотных, также стесняли королевскую власть. Подобные институты возникли между 1200 и 1350 годами в Англии, Италии, Испании, Франции и Германии. В них обсуждались вопросы, связанные с общественными интересами: люди представляли свои жалобы, требовали изменений и вносили прошения о расследовании. Правители высказывали свою точку зрения влиятельным людям и выступали с требованиями более высоких налогов, в чем им редко отказывалось, но часто лоббировалась более низкая ставка. Таким образом, подобные собрания (colloquia) помогали правителям, нуждавшимся в кооперации с элитой для осуществления своих указов, и просителям, которые хотели получить консультацию или некоторую выгоду. Пока суверенам не хватало сильных, формально прописанных полномочий, подобные ассамблеи представляли господствовавшие обычные юридические нормы. Подобные нормы подразумевали, что правитель не может изменять закон по своему собственному желанию, поскольку решения, связанные, например, с увеличением налогов, требовали согласия ассамблеи, и представители высшего сословия обладали правом заявлять о своих интересах в случаях, когда они затрагивались [Strayer, 1970, 65]. Более того, временами такие ассамблеи эффективно препятствовали желаниям своего правителя, требуя отчетности или доли в доходе, и такая оппозиция суверена и элиты заметно замедляла темп государственного управления. Почти до самого 1700 года в западноевропейском государстве "политика государя должна была объясняться и оправдываться перед тысячами членами правящего класса, и подоб-

ная практика была обусловлена тем, что закону надо было подчиняться всегда, кроме исключительных случаев" [Strayer, 1970, 111].

Пусть подобные совещательные органы при суверене возникли для того, чтобы стать эффективным ограничителем королевской власти, в то же время схоласты начали медленную революцию, которая выразилась ими в изобретении формулировки "единой, концентрированной власти", "неограниченной и непосредственной" без какого-либо исключения. [de Jouvenel, 1997, 208]. Эта идея впервые получила признание в католической Церкви. Идея стала очевидной в понтификате Иннокентия III, когда она стала использоваться для подтверждения и обоснования папской теократии в доктрине всеобщего суверенитета Святого Престола. В 1202 году Папа Иннокентий III заявил, что он был сувереном, потому что являлся "единственным, кто мог пересматривать решения кого угодно и не мог быть судим кем бы то ни было" [Carlyle, 1928, 153]. Идеальная модель суверенитета в видении Церкви позже была адаптирована светскими властями. Впервые это проявилось до того, как короли могли подтверждать те широкие полномочия, на которые они претендовали. Первый Вестминстерский статут 1275 года, например, утверждал, что в Уэльсе, где "королевский указ не имеет силы, король в качестве суверена может вершить правосудие над любым" [Strayer, 1970, 9]. Несмотря на то, что подобный абсолютный взгляд на суверенитет встречал сильное сопротивление на протяжении следующих пяти веков, он начал внедряться в общество.

Чтобы концепция суверенитета изменилась, потребовалось открытие средневековой Европой древнеримского права и аристотелевского трактата «Политика» в XIII веке, а также выдвижение Фомой Аквинским идеи о смешанной форме правления. Наступающий Ренессанс проложил дорогу представлениям, близким современным. В трудах Макиавелли политика стала определяться как самостоятельная человеческая деятельность, которую флорентийский мыслитель отделил от религии и морали. Макиавелли развил идею государственного интереса (raison d'etat), а в «Государе» он сформулировал такое видение власти, которое включило в себя почти все элементы суверенитета. Параллельно с этими явлениями в Европе можно наблюдать возрастающую централизацию на государственном уровне, когда правитель требует для себя верховной власти. Власть и влияние Церкви уменьшаются, монархи, начиная с XV века, используют формулировки "rex imperator in regno suo" и "rex superiorem non recogens", а в XVI веке они принимают титул "majestas", который до этого был исключительной привилегией Императора.

Развитие идеи о внутреннем суверенитете в Новое время

Суверенитет, возникший на рубеже Нового Времени, стал результатом анализа природы власти. Реформация нанесла смертельный удар по власти как Императора, так и Папы и сформулировала абсолютно новые вопросы. Власть, происходящая от Бога, более не

могла восприниматься сама собой разумеющейся, и предстояло найти новую трактовку власти, политического управления и политических обязательств управляемых. Европа погрузилась в религиозные войны и войны за верховную власть, на которую одновременно претендовали государство, церковь и общество. В этой борьбе концепция суверенитета предложила решение легитимации власти. Следующие два столетия прошли в неистовых дебатах относительно того, в каком элементе общества располагается власть, как определить ее границы и что есть источник власти. Частично внедренные в парадигму естественного права и теорию контрактов, различные концепции суверенитета сопутствовали рождению национального государства и до сих пор они дают ответы на указанные вопросы о верховной власти.

Сдвиг в средневековом восприятии суверенитета в первую очередь стал проявляться с помощью формулировок в превосходной степени, использовавшихся в языке научных трудов. Ключевые абзацы из этих трактатов до сих пор цитируются в качестве примеров классического определения суверенитета. Например, Жан Боден признается первым из тех, кто представил ясно сформулированную теорию государства в политической науке [Keohane, 1993, 96]. Первое предложение в его наиболее часто цитируемой работе 1576 года «Шесть книг о государстве» определяет суверенитет как абсолютную и вечную власть, облаченную в общее владение. В 1609 году юрист Шарль Луазо охарактеризовал суверенитет как абсолютную и всецелую власть в каждом вопросе без градации полномочий для любого, обладающего превосходством, не могущего быть верховным и суверенным. [de Jouvenel, 1997, 216]. «Левиафан» Томаса Гоббса, опубликованный в 1651 году, является особенно сильным высказыванием, раздвинувшим значение суверенитета за рамки его понимания как центра власти над территорией и оформившим его в абсолютную прерогативу навязывать волю правителя на гражданское общество [Falk, 1993, 851]. При этом Гоббс отрекается от средневековой модели суверена, ограниченного обычаем: «Не может быть нарушения соглашения по части суверена… Он, который стал сувереном, прежде не может договариваться со своими подданными… Мнение, что любой монарх получает свою власть через договор, другими словами, что исходит из нежелания понять простую истину, что договоры являются ничем иным, кроме как словами и дуновением, не имеют силы обязывать, сдерживать, ограничивать или защищать кого-либо» [Hobbes, 1991, 137].

Двое из трех упомянутых выше теоретиков демонстрировали типичный концептуальный паттерн в анализе суверенитета. Боден и Люазо изначально определяли суверенитет в недвусмысленных терминах. Каждый использовал термин «абсолютный». Далее, в последующих абзацах, они формулировали серию ограничений, которые в соответствии со средневековой моделью сопрягали все, что они описывали прежде как «неограниченное». После подтверждения абсолютного характера суверенитета Боден перечисляет многочисленные условия, включая в них в том числе Божий закон, естественное право, человеческие законы,

общие для всех народов, гражданские соглашения, естественную справедливость, общее и конституционное право государства. Подход Люазо, который последовал этому примеру в стремлении защитить абсолютный характер суверенитета, называет также три фактора, при которых он может быть узурпирован: Божий закон, естественное право и основополагающие законы государства [Loyseau, 1994, 115].

Из трех названных теоретиков только Гоббс остался верным приверженцем убеждения, что суверенитет не сдерживается территориальными границами. Единственным исключением, которое он признавал, было то, что суверенитет ради удобства может принимать парламентскую форму и предполагать более децентрализованный, менее абсолютистский вид. Эта более демократичная форма, однако она не могла быть принята за размытие власти:

«Суверенная власть должна быть абсолютной во всех государствах… суверенная власть, будучи сосредоточенной в руках одного человека, как в монархии, или принадлежа ассамблее, как в народных и аристократических государствах, настолько велика, насколько великой люди могут ее сделать. И, несмотря на величие власти, люди могут представить себе многие дурные последствия, но последствия желания власти, что есть вечная война человека против своего соседа, намного хуже» [Hobbes, 1991, 157].

Гоббсовский подход с легкостью заменял средневековую концепцию ограниченного суверенитета, адаптированную к только формирующимся органам Вестфальской системы международных отношений Боденом, Люазо и прочими, на перспективы государственной защиты от самых ужасных проявлений человеческой природы, показанных в гипотетическом естественном состоянии войны всех против всех. Результатом стала защита сильной высшей власти, а не ограниченной.

Примерно через сотню лет после публикации «Левиафана» Жан-Жак Руссо перевернул гоббсовскую концепцию и приписал суверенитет народу, а не государству. Согласно его теории, каждый гражданин заключает контракт с другими гражданами, и таким образом каждый становится управителем и управляемым одновременно. Руссо разграничил понятия государства и общества, и общество до некоторой степени вобрало в себя понятие государства, а само государство было низведено до трактовки «управляющего комитета». Народный суверенитет Руссо, однако, содержал столько же опасностей, если не больше, сколько и гоббсовская концепция, поскольку и тот, и другой признавали возможность тиранического правления. У Гоббса государство абсолютно, а у Руссо абсолютную власть подразумевает общество и общая воля народа, то есть народный суверенитет в гораздо большей степени вторгается в область индивидуальной свободы, нежели это можно наблюдать в гоббсовской концепции. При этом характерной чертой каждой концепции является то, что ни одна из них не обозначала границы политической активности.

Убежденность в том, что суверенитет должен концентрироваться в политическом теле государства, возникло в ответ на теории суверенитета Бодена, Гоббса и Руссо. Согласно этой новой идее, общество становится источником суверенитета, а государство

является единственным легитимным исполнителем этого суверенитета. Эта концепция блестяще изложена у Джона Локка. В своих либеральных воззрениях он придерживался той позиции, что главная функция государства состоит в том, чтобы защищать жизнь, свободу и собственность, другими словами, сущность государственности, свелась к защите прав индивида. В его политической философии индивид попросту не может передать все свои права и свободы государству, а лишь право законотворчества и контроля над исполнением законов, что воплощается в законодательной и исполнительной ветвях власти. При этом передача даже этих прав условна, поскольку они могут быть отозвана путем смены правительства.

Концепция Локка положила основы для представительного и конституционного государства, а британское государство постепенно внедрило ее в свою политическую практику. Локк также определил границы политической власти: власть суверена происходит из доверия общества к нему и согласия с ним. «Там, где заканчивается закон, начинается тирания», – так звучит его знаменитое высказывание, отражающее суть теории Локка, которая, возможно, оказала наиболее сильное влияние на развитие политической мысли.

Концепция внешнего суверенитета

Концепция внешнего суверенитета испытала подъем интереса к себе в рамках теории международных отношений. По каким причинам настолько широкая идея, насколько она мало разработана, получает вдруг столько внимания, – вопрос, достойный внимания.

Сама по себе проблема современного суверенитета напрямую происходит из эпохи, которую можно ограничить 1600 и 1800 годами. Основные черты этой эпохи таковы: мир трактуется как антропоцентричный, всячески подчеркивается важность индивидуальности, рационализма, превосходство над обстоятельствами, либерализм – основная идеология, капитализм – главенствующая экономическая система, а государство – высшая форма социальной жизни, главный агент и первостепенная проблема.

Большая часть определений суверенитета артикулируют не понятием политического сообщества, но понятием территории, над которой данное политическое сообщество простирает свой контроль. Подобное происходит по той причине, что государства представляют собой территориальные образования, если говорить в эмпирическом ключе. Говоря словами Ганса Моргентау, «к концу Тридцатилетней войны [1648] суверенитет как верховная власть над определенной территорией был политическим фактом» [Morgentau, 1967, 52]. Однако суверенитет не является проблемой физического контроля над территорией, поскольку суверенитет зависит от власти, а власть представляется чем-то большим, нежели физический контроль над территорией. Суверенитет является собственностью политического сообщества, которому принадлежит конкретная территория.

Термин «власть» значительно труднее в использовании, чем «суверенитет». Тем не менее в подобном контексте смысл ясен. Физический контроль должен сопровождаться убежденностью данного политического сообщества в том, что подобный контроль осуществляется должным образом. Даже верховная власть подразумевает наличие правил, санкционирующих осуществление физического контроля. Такие правила придают сообществу политическую организацию.

Классически общепринятой в международных отношениях 1600-1800 годов является точка зрения на суверенитет как на защитную оболочку государства. В таком случае сам суверенитет распадается на две части: внешнюю и внутреннюю, разделяя и мир на внешний по отношению к государству и внутренний. В подобной трактовке внутренний суверенитет предполагает реализацию широкого спектра возможностей управления внутри государства, а внешний – отрицает возникновение подобной ситуации в отношениях между государствами, где по большей части превалирует анархия с ее разрушительным потенциалом.

Одним из наиболее важных феноменов западной истории было развитие национальных государств в течение XVII-XVIII веков. В результате этого процесса государства стали самоопределяющимися и автономными, а идея равенства и независимости суверенных национальных государств стала общепринятой в XIX веке. Внутренний аспект суверенитета значил, что легитимная политическая структура возникла в обществе, чей суверенитет, пусть и в разных формах, был признан этим обществом. В международных отношениях, однако, подобной высшей власти не существует. Средневековый универсализм был заменен так называемой Вестфальской системой, в рамках которой гоббсовская идея должна была возродиться на международном уровне, где отношения между государствами характеризуются как постоянные борьба и соперничество – принцип войны всех против всех ("bellum omnium contra omnes"), проявивший себя в это время в поле международных отношений.

В подобном контексте государства не были связаны международной моралью или требованиями закона, хотя в начале XVII века Гуго Гроций подчеркивал необходимость создания международного позитивного права в своей работе «О праве войны и мира» ("De jure bellum ac pacis"). Его взгляды не получили распространения при жизни, но позже оказали огромное влияние на международные отношения между государствами, особенно после второй мировой войны. Гроцию принадлежала идея о том, что война, начатая с корыстным интересом, никогда не может быть справедливой и даже правомерные войны могут быть такими в последнюю очередь. Гроций также постулировал, что индивид не обязательно должен быть лояльным своему государству, если его действия послужат неправому делу. Этот принцип использовался и в Нюрнбергском процессе и служил основой при создании ООН (Однако следует сделать оговорку, что провал Лиги Наций, а позже биполярной системы не доказывал полноты этой либеральной идеи, поскольку сильнейшие государства не пожелали ограничить свою свободу действий – суверенитет.) Вскоре стало ясным, что «гармония интересов» и «общность интересов2 с некоторыми ограничениями возможны исключительно между демократическими государствами. Вестфальская парадигма была причиной анар-

хического характера системы международных отношений, в которой каждое государство стремилось проводить политику силы для реализации своих жизненных национальных интересов, и, когда теория международных отношений стала развиваться как самостоятельная дисциплина, соответствующий ситуации гоббсовский взгляд получил свое последующее развитие в становлении школы реализма.

Заключение

В свете вышесказанного не остается сомнений, что в течение XIX-XX веков идея суверенитета доказала свою предпочтительность перед другими теориями, объясняющими природу государства и политической власти. Это касается и внутреннего измерения суверенитета, и внешнего, когда в дипломатической практике укоренилось представление, что суверенность государства означает членство в международном сообществе.

Библиография

1. Carlyle A.J., Carlyle R.W. A history of medieval political theory in the West. Edinburgh: William Blackwood and Sons, 1938. 460 p.
2. De Jouvenel B. Souereignty: An inquiry into the political good. Indianopolis: Liberty Fund, 1997. 389 p.
3. Flak R. Sovereignty // The Oxford companion to politics of the world: New York, 1993. P. 953.
4. Hobbes Th., Truck R. (ed.) The Leviathan. Cambridge: Cambridge University Press, 1651/1991. 618 p.
5. Keohane R.O. Sovereignty, interdependence and international institutions // Ideas and ideals: essays on politics in honor of Stanley Hoffman: Boulder: Westview Press, 1993. P. 91-103.
6. Loyseau Ch., Lloyd H.A. (ed.) A treatise of orders and plain dignitie. New York: Cambridge University Press, 1994. 308 p.
7. Morgan A. Sovereignty's new story // The Monist. Vol. 90. № 1. P. 26-47.
8. Morgentau H.J. Politics among nations: The struggle for power and peace. New York: Alfed A. Knopf, 1967. 615 p.
9. Oldenquist A. Ethnicity and sovereignty. Studies in East European thought // Nationalism and its alternatives. 2002. № 4. P. 271-284.
10. Onuf N.G. Sovereignty: Outline of a conceptual history // Alternatives: global, local, political. 1991. № 4. P. 425-446.
11. Spruyt H. The Sovereign State and its competitors. Princeton: Princeton University Press, 1994. 304 p.
12. Strayer J. On the medieval origins of the modern state. Princeton: Princeton University Press, 1970. 144 p.

History of the emergence of the idea of sovereignty

Stanislav A. Rechkovich
Postgraduate,
Department of philosophy of politics and law,
M.V. Lomonosov Moscow State University,
119991, 27 Lomonosovskiy av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: stanislav.rechkovich@gmail.com

Abstract

The article deals with the history of the emergence of the idea of sovereignty. The author talks about necessary conditions for the emergence of sovereignty which are separation of government and society and correspondence between them. The history of sovereignty starts in the times of Roman Empire due to the Emperor who was regarded as omnipotent as gods. There were rivalry between Pope and secular authorities medieval ages that is why the development of the idea was temporarily blocked. Further elaboration of the idea of sovereignty was subjected to discovery of ancient treatises. To emphasize the glory of Pope scholastic Thomas Aquinas said that the power was given by God, then the formula was borrowed by mundane authorities. The Protestant Reformation made the roots of sovereignty related to society. There was a bulk of authors in Modern History, who created concepts of sovereignty (Boudin, Hobbes, Locke, Russeau). These concepts were crucial for idea of outer sovereignty and for contemporary forms of government to be developed. On the basis of the conducted research the author comes to the conclusion that the idea of sovereignty proved to be favorable over other theories explaining the nature of the state and political power during the XIX-XX centuries. This applies both to the domestic sovereignty of the measurement and to the external, when diplomatic practice was rooted in the notion that state sovereignty was membership in the international community.

For citation

Rechkovich S.A. (2016) Istoriya razvitiya idei o suverenitete [History of the emergence of the idea of sovereignty]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 5 (5A), pp. 150-161.

Keywords

Sovereignty, internal sovereignty, external sovereignty, government, sovereign.

References

1. Carlyle A.J., Carlyle R.W. (1938) *A history of medieval political theory in the West.* Edinburgh: William Blackwood and Sons.
2. De Jouvenel B. (1997) *Souereignty: An inquiry into the political good.* Indianopolis: Liberty Fund.
3. Flak R. (1993) *Sovereignty. The Oxford companion to politics of the world*. New York.
4. Hobbes Th., Truck R. (ed.) *The Leviathan.* Cambridge: Cambridge University Press, 1651/1991.
5. Keohane R.O. (1993) Sovereignty, interdependence and international institutions. In: *Ideas and ideals: essays on politics in honor of Stanley Hoffman.* Boulder: Westview Press, pp. 91-103.
6. Loyseau Ch., Lloyd H.A. (ed.) (1994) *A treatise of orders and plain dignity.* New York: Cambridge University Press.
7. Morgan A. Sovereignty's new story. *The Monist,* 1 (90), pp. 26-47.
8. Morgentau H.J. (1967) *Politics among nations: The struggle for power and peace.* New York: Alfed A. Knopf.
9. Oldenquist A. (2002) Ethnicity and sovereignty. Studies in East European thought. *Nationalism and its alternatives,* 4, pp. 271-284.
10. Onuf N.G. (1991) Sovereignty: Outline of a conceptual history. *Alternatives: global, local, political*, 4, pp. 425-446.
11. Spruyt H. (1994) The sovereign state and its competitors. Princeton: Princeton University Press.
12. Strayer J. (1970) On the medieval origins of the modern state. Princeton: Princeton University Press.